

Холодные ночи
детства

Тезер
Озлю

роман

Ad
Mar
gine
m

Тезер Озлю

Холодные ночи детства

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74334656
ISBN 978-5-908038-78-2*

Аннотация

В Турции, охваченной политическими потрясениями, Тезер Озлю создает книгу (1980), в которой отказывается подчиняться внешнему кризису, сосредоточившись на собственной, внутренней войне. «Холодные ночи детства» – ее автобиографический роман о безумии, где время ломается, а реальность рассыпается на фрагменты. Озлю обнажает свою борьбу с болезнью и фиксирует ужасающий опыт столкновения с карательной психиатрией. Города, между которыми курсирует героиня, и больницы растворяются друг в друге: всё превращается в единое давящее пространство. Это исповедь о том, как идеологические и социальные институты – армия, семья, медицина, религия – вторгаются в тело и психику, а личное сопротивление становится единственным доступным жестом свободы. Роман описывает опыт женской уязвимости, насилие системы над индивидуальностью и попытку сохранить себя в мире, где нормальность – это инструмент подавления.

Содержание

Дом	8
Школа и дорога в школу	23
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Тезер Озлю

Холодные ночи детства

© Tezer Özlü

© Kalem Agency, 2025

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2026

* * *

Tezer Özlü

anlatı

Çocukluğun Soğuk Geceleri

Тезер Озлю

роман

Холодные ночи детства

Перевод с турецкого
Аполлинарии Аврутиной

Дом

Отец, когда-то бывший учителем физкультуры, сохранил свой свисток. По утрам, не снимая полосатой просторной пижамы, он дует в него:

– Неженка моя, ты зачем явилась в армию? А ну-ка подъем! Подъем!

Голос его гремит, словно труба.

Просыпаюсь – и в первых лучах утра оказываюсь в объятиях Сюм. Размышляю, какую связь видит отец между нашим домом и армией. Он хочет военного порядка в семейной жизни. Это точно. Будь он богат, наверное у дверей трубили бы горны... Турецкие мужчины отцовского поколения питают огромную любовь к армейской службе...

Теперь мы не в провинции. Фруктовые сады, окружавшие просторные деревянные дома, остались в тихих городках. А тихие городки – в пятидесятых годах. Высокие сосны Эсентепе¹ где мы собирали желтые и лиловые крокусы, росшие под тающим снегом, – неясная мечта детства. Я бегу по склону в светлый летний день на худых детских ножках... К прохладному дуновению волн...

Бульвар начинается у Сарачхане-баши² и тянется до

¹ Эсентепе – пригород Стамбула. – Здесь и далее примеч. пер.

² Сарачхане-баши, или Сарачхане, – район Стамбула, расположенный перед акведуком Боздоган.

Эдирнекапы³ в виде широкой пешеходной аллеи с платанами посередине. По бокам аллеи ходят трамваи с красными и зелеными вагонами. На первых этажах зданий вдоль бульвара – редкие лавки и пара банков. Почти посередине бульвара широкий мощный булыжником подъем ведет к Чаршамбе⁴. В тупике второго поворота налево – наш дом. Для отца переезд в этот район, где он играл в детстве и где потом все деревянные дома сгорели, – большое счастье, которого нам не понять.

По ночам, прижимаясь к матери, я спасаюсь и от холода, и от одиночества. Зимними утрами по дороге в школу – она за пределами нашего городка – мы идем, склонив головы от метели. Руки мои трескаются от мороза, кровоточат. Те склоны, где летом мы сушим кизяк, теперь покрыты ослепительно белым снегом. С крыш домов свисают толстые сосульки.

Отец строит дом своей мечты на пепелище. Он стоит над рабочими, пока роют фундамент, привозят песок и известь, возводят кирпичные стены. Как только строительство завершается, он сажает в маленьком садике за домом три сосны.

Электричество в городке включают ближе к вечеру, а в полночь отключают. На улочках, которые тянутся вдоль деревянных изгородей садов, вместе с запоздалым летом устанавливается светлая тишина. После полудня кукарекают петухи. В горах пасутся коровы. Иногда у часовой башни на

³ Эдирнекапы – квартал в районе Фатих в Стамбуле.

⁴ Чаршамба – небольшая часть района Фатих.

главной площади городка останавливаются тупоносые автобусы, направляющиеся из Стамбула в Анкару. Я с завистью смотрю на путешественников, которые едут в большие города. «Однажды и я увижу далекие миры», – проносится в голове.

Годы спустя отец говорит:

– Придумал! Этот дом должен называться «Дом Челеби».

Он заказывает мраморную табличку с этим названием и вешает ее справа от входной двери. Улицу перед домом заняла лачуга большой семьи с множеством комнатушек. Ива, посаженная членами этой семьи, разрослась. Летом они сидят под ней. По ночам поют песни, играют на бубне. Их шумная жизнь переплетается с нашей.

На первом этаже деревянного дома в постели лежит отец хозяйки, перешагнувший столетний рубеж, белый как снег. У него опять прорезываются молочные зубы. Он всё бормочет о поездке на телеге в деревню. Хозяйка варит кофе с молоком на углях из печки. Нам, детям, не дает. На маленьком окошке висят белоснежные занавески. В саду зреют темно-фиолетовые сливы. Я с ужасом смотрю на тонкую ногу деда с большой ступней и длинными ногтями, торчащую из-под белой простыни.

В доме мы живем вшестером. Я делю с сестрой Сюм железную кровать с провалившейся серединой – приданое родителей. Сюм засыпает, едва не скатываясь в эту яму. Я ищу сон на импровизированном склоне, размышляя, существует

ли Бог. До той ночи, когда я решаю, что Его нет, я долго молюсь за всех нас. Но потом молиться уже не нужно. Теперь можно думать о чем хочу.

Кровать Бунни тоже в нашей комнате. Бунни совершает намаз пять раз в день. Читает молитвы по-арабски. Если мы ее дразним во время намаза, она повышает голос. По ночам во сне кричит: «Аллах! Господь мой!» В свои девяносто с лишним лет она чаще всего произносит слово «Аллах».

В постели я всегда стремилась быстрее уснуть. Но слышала все звуки вокруг, видела все огни. Даже в тихих ночах больниц до меня доносились крики из детского отделения дальше по коридору и я не могла спать.

Бунни встает рано утром. Выгребает золу из печки. Укладывает в нее дрова, подкладывает щепки, брызгает немного керосина и поджигает. Щепки потрескивают: «пат-пат». В сыром воздухе комнаты, сером от рассвета, разливаются приятные свет и тепло. Пора вставать. Если комната пока не прогрелась, нужно прижаться к печке, почувствовать тепло и начинать день. В ледяной ванной мы торопливо умываемся еще более холодной водой, а потом бежим к печке. Наша черная школьная форма готова с вечера. Но она пропиталась ночным холодом. Мы подносим ее к печке, чтобы согреть. Раздеваясь, покрываемся мурашками. Бунни приносит большой поднос с чаем, айвовым вареньем и поджаренным хлебом.

В Стамбул из провинции я перебираюсь годом позже

Сюм. Она показывает мне всё то новое, что успела узнать без меня. Сыплет стиральный порошок в грязную раковину:

– Смотри, сейчас станет чисто. – Трет. – Видела?

Перед холодильником в лавке бакалейщика говорит:

– Будем пить пастеризованное молоко.

– Что это такое? – спрашиваю я.

– Это когда молоко пьют без кипячения. Очень вкусно.

Сестра пьет. Мне не нравится.

Мы идем в кинотеатр «Атлас». Огромный зал. Помню, какой шел тогда фильм: «Инспектор». На выходе Сюм покупает жареные каштаны. Она привыкла к городской жизни. Сюм быстро осваивает новые реалии. А я всё еще в оцепенении под сливовыми деревьями провинциальных садов.

Вешалка за дверью нашей комнаты всегда завалена одеждой. В маленьком встроенном шкафу висит одежда всей семьи (кроме старшего брата). Места для вешалки не хватает, поэтому всё вешаем боком. (В шкафу брата вешалка помещается свободно.) В комнате ковер. Но шторы на карнизе плохо ездят, и занавеска не закрывает окно полностью. За столом с двумя ящиками, которые отцу сделали на заказ в провинции, мы учимся. Настольная лампа регулируется по высоте. На стене над столом отец вешает наставления для нас:

«Дети мои!

1. Свет должен падать слева.

2. Книга должна быть на расстоянии 30–45 см от

глаз.

3. После занятий свет выключать. И т. д.

Желаю вам успехов, а также желаю стать полезными сынами Отечества. С любовью, ваш заботливый отец.

Имя. Фамилия. Подпись».

Соседняя комната – спальня родителей и одновременно гостиная. Здесь самый новый ковер. В оставшемся от двухспального дивана пространстве стоят четыре больших кресла. Шторы от солнца – в цвет кресел, за ними тюль. Новые, они полностью защищают окна от солнца. Утром постель родителей собирают, переносят в нашу комнату, диван складывают и накидывают на него покрывало.

(Этот их дом забит вещами. Всё распахано по углам.)

Между отцом и матерью словно нет ни тепла, ни любви. Мать каждым жестом дает понять, что никогда не любила его как мужчину. Как все мелкие буржуа, они связаны лишь необходимостью обязанностей. Каждое утро и каждый вечер такая безлюбовная пустота.

Гостей в доме ни мало ни много. В основном это «преданные долгу и отечеству» супружеские пары. Принимаем их в этой комнате. Льем одеколон на руки по обычаю, угощаем леденцами, затем чаем со сладким печеньем. На праздники даем ликер и шоколад. Когда приходят гости, больше всех разговаривает отец. Темы всегда одинаковые: школа, работа, успех, стычки с начальством, успехи детей. Снова школа.

Снова работа.

Старший брат живет комфортно. У него своя комната. Книжный шкаф, гардероб, газовая печка, которую он может зажечь когда захочет. Он заставляет меня чистить ему ботинки. Прежде велит мне тщательно счищать грязь. Стены его комнаты скрыты за книгами. Он обращается с ними очень бережно. Не позволяет брать без разрешения. Но как только он уходит, я пробираюсь к нему. Я всегда читаю «Бульвар тумана»⁵ – то ли потому, что сама пересекаю его каждый день, то ли из-за того, что книга отражает чувства в пустоте, то ли потому, что все о ней говорят. Корабли на якоре. Тоска по далеким портам. Мечта о недостижимой влюбленности.

В фильме «Посредник» мальчик бежит по широкой деревянной лестнице аристократического особняка наверх, в свою комнату. Оставшись один, он раздвигает шторы. Смотрит в небо. Луна в облаках. Ее хорошо видно. Какой загадкой кажется весь мир и вселенная. Как луна, на которую смотрит тот мальчик. В пустоте.

Дом украшают фикус и герань: герань на кухне, фикус в гостиной. (Фикус я и по сей день не люблю. Он напоминает мне о тяжелой, душной атмосфере в домах среднего класса или о прокуренных конторах, где обычно дела на лад не идут, а сотрудники целыми днями листают газеты и пялятся

⁵ «Бульвар тумана» – известный сборник стихотворений современного турецкого писателя Атиллы Ильхана (1925–2005).

в стены.)

Прихожая выложена камнем. Темно. Из нее двери ведут в комнаты и кухню. Здесь же мы едим. Отец, чтобы не тратили много электричества, всегда выбирает лампочки, дающие яркий свет. Если свет горит в пустой комнате, отец впадает в ярость.

В прихожей перед встроенным буфетом отец устраивает уголок Ататюрка⁶. Здесь стоит позолоченный бюст Отца республики. Рядом на маленьком металлическом древке – красный атласный флаг с вышитой звездой и полумесяцем. Отец иногда, особенно в национальные праздники, требует, чтобы мы все вместе пели турецкий гимн – «Марш независимости». Когда никто не хочет петь с ним, он поет один своим звучным, громким голосом. Когда по радио передают гимн, отец встает навтыжку. Требует того же от нас.

– В доме не стоят навтыжку, – сопротивляемся мы.

Его воодушевляет «Марш Харбие»⁷ и народные песни приграничья.

В солнечные дни кухня заливается утренним светом. Отсюда видна мечеть Фатих. Позже нагромождение многоэтажек закроет весь вид. На каждом балконе – сложенное старье, из каждого окна – крики, из каждого дома – песни по

⁶ Ататюрк, Мустафа Кемаль (1881–1838) – государственный деятель, основатель Турецкой Республики.

⁷ «Марш Харбие» («Марш Военной академии») – это одно из самых значимых и торжественных военных произведений Турции, являющееся гимном турецкой Военной академии сухопутных войск (Kara Harp Okulu).

радио, ни мгновения тишины.

Мысль о смерти преследует меня. Днем и ночью думаю о самоубийстве. Особой причины нет. Жить или не жить – всё равно. Только тревога. Тревога, толкающая меня попробовать убить себя.

Однажды я встаю среди глухой ночи. Все спят, как всегда. Дом холодный. Я стараюсь не шуметь. Глотаю горсти накопленных лекарств. Чтобы не вырвало, заедаю хлебом с вареньем. Я юная девушка. Готовлюсь весь день, чтобы мертвое тело было красивым. Словно есть кто-то, кому я хочу отомстить красивым мертвым телом. Хочу восстать против домов, кресел, ковров, музыки, учителей. Хочу восстать против правил. Крик! Пусть ваш маленький мир останется вам. Крик! Тихонько возвращаюсь в постель. У меня не остается времени думать о смерти и небытии. Перед глазами картины, напоминающие цветные поля. Ничего страшного. Бегу по полям. Словно не живу в приморском городе. Только поля. Я одна среди травы, что клонится от ветра. Скоро смерть заберет меня.

Просыпаюсь и первым делом вижу грязную наволочку. Читаю буквы «П. К.». В голове сразу расшифровка: «психиатрическая клиника».

«Спасли меня! – думаю я. – Лучше б не спасали».

Начинаю плакать.

– Какая ты аккуратная девушка, – говорит какая-то пациентка.

Смотрю на свое тело. Всё в синяках. Девушка на соседней кровати сразу заговаривает:

– Ничего не бойся. Побудешь здесь немного. Тебя надолго не оставят. Место неплохое. Я студентка. Мне здесь хорошо. Привыкаешь. Полюбишь клинику... Останься, увидишь...

Не слушаю ее. Но мысль остаться здесь приводит меня в ужас. Меня зовут. Ждали, пока проснусь?

– Я ухожу, – говорю я остальным пациенткам.

– Не уйдешь! Отсюда не выйти! То, кто думает, что сможет уйти, – сумасшедший! – говорят мне они.

– Но я ухожу!

Пациентки идут за мной следом, и в коридоре собирается уже небольшая группа.

– Думает, что выйдет! – кричат они наперебой.

Меня действительно выпускают.

Не помню ни секунды из двух с половиной дней сна. Мы дома, в прихожей. Приходит Гюнк. Отец предлагает нам обоим инжир:

– Как можно думать о смерти, когда есть такие вкусные вещи?

(До сих пор не знаю, осознала я или нет истину его слов.)

Мысль о самоубийстве отпускает меня. Буду ждать естественной смерти, как все.

Брат спрашивает:

– Зачем ты это сделала?

– «Церемония с котлом», Зюбюк⁸, – отвечаю я ему.

Как и во всех домах на задворках, по воскресеньям у нас стоит невыносимый гвалт. Чаще всего вся семья дома. Отец по воскресеньям даже не снимает пижаму. Мать весь день проверяет контрольные работы учеников. Отец – инспектор. Дома он постоянно пишет отчеты. Затем читает их вслух.

По воскресеньям кипятят воду для мытья. Моемся по очереди. В холодные дни в комнату с печкой приносят большой медный таз. Наклоняем головы, моем волосы. Затем садимся в таз, моем тела малым количеством воды. Купание устраивает Бунни. Выливает грязную воду в ведро. Выливает воду из ведра в ванну, приносит чистую горячую. Бунни не устает. Она нас моет, чистит печь, выливает грязь. Она всю жизнь делала только это. Она может даже руками дотронуться до огня.

Ее мир – стирка, мытье посуды, молитвы, пост и рынок по средам. Никто не предлагает ей больше. Она и не просит. Выливая последнюю воду, благословляет нас арабскими молитвами.

– Бога нет! – дразним ее мы.

– Покайтесь, покайтесь. Сгорите в аду! – отвечает она.

По воскресеньям к вечеру чаще всего ссоры. Иногда они

⁸ «Церемония с котлом» (в оригинале – Kazan Töreni) – это знаменитый сатирический рассказ турецкого писателя Азиза Несина, Зюбюк – персонаж этого рассказа. Азиз Несин писал сатирические произведения на политические темы, и рассказ «Церемония с котлом» раскрывает тему «потемкинских деревень». Героиня хочет сказать брату, что совершила свой поступок ради самого поступка.

вспыхивают у родственников на втором этаже. Все высыпает на лестницу, машут руками. Кричат. Кто-то кого-то бьет. Старики умоляют уняться. Больше всех старается Бунни.

Отец до шестидесяти шести лет живет со своей матерью Бунни. Он всегда ее дорогой малыш. Когда приходит вспотевший, она вытирает ему спину. Кладет сухое полотенце. Если простудится, рисует на спине йодную сетку. Если сильно простудится – ставит банки. Если случится что-то серьезное – укладывает, укрывает простыней, льет свинец⁹ над головой.

Бунни любит старую одежду. Новую не носит. Шестидесять лет по праздникам достает из узла и надевает зеленое шелковое платье. Глаза у нее серо-голубые. Лицо в морщинах. Вот уже почти семьдесят лет не была с мужчиной. Любит жизнь. Больше всего интереса у нее вызывают собственные похороны.

– Пусть отец сразу даст объявление в газету: не угадаешь, кто придет, – просит она.

Теперь она в коме. В переполненных палатах больницы Таксим нет никого старше нее. Никто не умирает так трудно. Она словно не полностью потеряла сознание. Умирая, бормочет историю про всю свою жизнь. Вставные зубы в стакане рядом. Рот – глубокая впадина: «... Душа эта не выходит лег-

⁹ Литье свинца – это древний народный обряд очищения и гадания, распространенный в Турции и среди тюркских народов. Его цель – избавить человека от сглаза, негативной энергии или испуга.

ко... стараюсь умереть... но, видишь, непросто... душа изо рта не выходит...» – будто хочет сказать она. Хрипит, стоит. «...Выйдет, выйдет... я умру...» – как бы говорит она и машет, а потом хрипит.

Снаружи жара. Толкая коляску с ребенком по склону под площадью Таксим, замечаю, как размягчился асфальт. Небо синее. В воздухе ослепительный свет. Мы с моим ребенком идем на похороны Бунни.

Золотые серьги Бунни достаются Сюм, медный мангал – мне. Большое полотенце, приготовленное ею для савана, отдаю Сюм. Маленькое остается у меня.

В нашей семье традиция: после похорон мы не ставим памятник нашим близким. Никто из нас не ходит на кладбище. Может быть, потому, что смерть – не окончательная граница?

Мы, три самых близких человека, две сестры и брат, изо всех сил стараемся вырваться из этого дома. Снаружи, в шум жизни или в других домах, с другими людьми, жизнь всегда кажется прекраснее. А Бунни всегда остается дома. Даже в глубокой старости медленно ходит на рынок по средам. Солит огурцы, варит листья редиса. Кормится объедками, которые отдают ей торговцы, на несколько сотен лир.

Мы с Сюм иногда навещаем ее. В жаркий день она сидит на коврике для молитв, прислонившись спиной к шкафу:

– Где отец?

– Уехал по делам.

– Почему не приходит?

– Придет.

– Пусть приходит. Я умерла.

Она убеждает нас, что находится уже не в этом мире, что жизнь кончилась, что она говорит с нами из другого измерения.

– Ты в порядке, в порядке, – убеждает ее Сюзанна.

Через какое-то время, оставляя ее в нашем старом доме, полном воспоминаний, плесени, с темными, сырыми и холодными лестницами, мы уходим в другую жизнь – и какое же это счастье.

Гроб Бунни опустили в могилу. Пытаюсь плакать. Не выходит. Ее смерть далека от любого плача. На кладбище стоит июльская жара. Перед кладбищем – долина лачуг, геджеконду¹⁰, спускающаяся к Золотому Рогу. Толкая коляску, я выхожу с кладбища. Мостовые вымощены булыжником. В маленьких лачугах вокруг кладбища живут семьи рабочих. Иду к уродливым многоэтажкам, что громоздятся друг на друге.

Воскресные дни... Теперь... Проходя по переулкам... Если вижу отцов семейств в пижамах, зимой, в дождливые серые дни, если глаза цепляются за дымящие трубы печек... если окна запотевшие... если вижу развешанное в комнатах белье... если облака низко висят над мокрой черепицей, ес-

¹⁰ Геджеконду (досл. «построенные за ночь») – трущобы, бедные ветхие лачуги, незаконно, путем самозахвата земли, стихийно возникавшие в разных турецких городах, преимущественно в Стамбуле и Анкаре.

ли моросит дождь, если по радио транслируют футбольный матч, если крики спорящих эхом разносятся по улицам, то мне всегда хочется уйти, уйти, уйти, уйти, уйти. Всегда хочется уйти.

Школа и дорога в школу

Зимой дождь громче всего хлещет по бетонному двору нашей школы. От площади Каракёй по крутому склону Куледиби тянется Банковская улица, темно-серые здания которой своей архитектурой напоминают старые, мрачные улочки среднеевропейских городов. Сюда не проникают ни городской ветер, если он есть, ни солнце, а тени странно сгущаются. Иностранные банки, лавки, на которых висят вывески с еврейскими, армянскими и греческими фамилиями, в витринах – разные машины, привезенные из-за границы, узкие, покатые улочки, сливающиеся с проспектом, а оттуда – подъемы к Шишхане, Тунелю¹¹ – всё здесь кажется чужим, иностранным, без единой местной черты (особенно в те годы). Шагая по Банковской улице, сворачиваешь направо к скрытым, извилистым серым каменным лестницам, ведущим к улице Картчинар. Здесь школа, церковь и дальше больница – огромные старые здания снова закрывают солнце, углубляют тени. Эти строения связаны между собой узкими проходами и потайными лестницами, которые напоминают тайные укрытия. Священники в мужском лицее, монахини в женском, утренние службы в церкви, начинающиеся

¹¹ Тунель – подземный фуникулер в Стамбуле, который привозит пассажиров на проспект Истикляль – главную улицу Стамбула. Тунель считается одним из самых старых метро в Европе.

в предрассветной мгле, придают этому среднеевропейскому району средневековый колорит.

Перед железными воротами школы стоит толстая монахиня, которая проверяет нашу одежду. Смотрит, чтобы форма была строго темно-синего и белого цвета. После этой проверки мы взбираемся по узкой лестнице, через стеклянную дверь слева входим в здание и попадаем в полумрак.

Если приходим рано, из церкви доносятся песнопения монахинь. Орган и хор. Мы пугаемся. Перед уроками монахини, бледные с утра, перебирая четки, не глядя ни на кого, в длинных одеждах, что волочатся по полу, быстро взлетают по лестнице перед нами, как черные тучи, и исчезают в монастырской тьме, похожей на бездну. Скрывшись в своих кельях, они запирают двери. Если нам нужно что-то, мы стучим. Они приоткрывают дверь на ширину носа и рта, не пуская ни на шаг внутрь, отмахиваются от просьбы и захлопывают дверь перед носом. Попытки заглянуть в их темные кельи всегда проваливаются.

В классах горят тусклые лампочки. В те детские годы много любопытства у нас вызывали волосы этих бледных женщин, скрытые под темно-синими покрывалами. По слухам, их волосы были коротко острижены, на головах был выбрит крест. Какой странный, необыкновенный вид, должно быть. Нам хочется сорвать покрывало, увидеть крест на голове и узнать, спросить, почему они стали монахинями. Это наше желание не проходит годами. Правды мы узнать не можем.

Девять лет на наши вопросы один ответ:

– Я стала монахиней, потому что больше всего люблю Бога. Соединение с Богом – самое прекрасное, самое святое, что есть на земле!

У каждой монахини свои странности. С виду между ними нет дружбы. Наоборот, видно, что они терпеть друг друга не могут. Только обязанности смогли поделить. Монахини, которые не ведут уроки, занимаются уборкой туалетов, продажей еды на переменах, младшими классами школы с детьми иностранцев.

Зимой в провинции ехать в школу на санках – особая радость. Солнце освещает снег на ветках деревьев. Дети толкают мои санки. Не могу вспомнить, грели ли маленькие железные печки в классах? Учительница ищет вшей в волосах. Тех, у кого находит вшей, бьет. У старой учительницы толстые пальцы с огромными наростами на ногтях от странной болезни.

Маленький каменный дворик, зажатый между зданиями, – единственное место, куда мы можем выйти на воздух. Здесь растет несколько деревьев. Высокие каменные стены обрамляют деревянные скамьи. Узкий проход из дворика ведет в мужской лицей. Появление мальчика на перемене – невероятное событие. В такой момент все девчонки во дворе хихикают, шепчутся между собой. Каждая чувствует себя словно с ним в постели. Три года немецкий ведет одна и та же монахиня. Входит в класс на несколько минут позже,

торопливо. Лицо в красных пятнах. Шмыгает крючковатым носом, дергает плечами, закатывает рукава и поправляет юбку сзади, словно хочет сесть. Подходит к доске, откидывает голову. Поднимает подбородок, как командир, осматривающий строй. Мы повторяем движения.

– Да пребудет с вами Бог, дорогие дети! —
приветствует она нас.

– Да пребудет с нами Бог, дорогая сестра! —
отвечаем ей мы.

– Кем бы я ни стала, хочу стать безупречной! —
взывает она к нам.

– Кем бы я ни стала, хочу стать безупречной! —
вторим ей мы.

– Сегодня повторяем «о»! — объявляет она.

Наш класс, состоящий из сорока бледных лиц в темной форме, орет хором, вслед за монахиней:

– Горести начинаются по утрам!

– Горести начинаются по утрам!

– Рано или поздно — всегда горести!

– Рано или поздно — всегда горести!

– Но пусть день начнется с горестей!

– Но пусть день начнется с горестей!

– Оставим горести, Господи!

– Оставим горести, Господи!

– Господь сегодня и завтра расправит крылья!

– Господь сегодня и завтра расправит крылья!

- Потому что любит нас!
- Потому что любит нас!
- Садитесь!
- А «Дорогую Ханнелору» петь не будем?
- Встаньте! Споем «Дорогую Ханнелору»!
- Дорогая Ханнелора!
- Дорогая Ханнелора!
- Веселое воскресное дитя!
- Веселое воскресное дитя!
- Ты родилась в воскресенье!
- Ты родилась в воскресенье!
- Благословенное розами дитя!
- Благословенное розами дитя!

Эти строки она сочинила сама. Почти в каждом немецком слове – «о». Она особенно растягивает эту букву, приучая наши рты к немецкому «о». Затем переходит к ежедневному рассказу. О смерти Ницше. Как Бог наказал его за отрицание Бога, сведя с ума:

– Он ел свое дерьмо из горшка. В последний миг закричал (сама кричит, играя, как в театре): «Приведите мне священника!» Но было поздно. Бог не принял его к себе, Бог его наказал.

Каждый урок после этих религиозных историй переходим к стихам Гёте:

На всех вершинах тишина,

*Ни одно дерево не дышит,
Птицы в лесу молчат,
Подожди немного,
Скоро и ты погрузишься в тишину...*

– Что значит «погрузиться в тишину»?

– Смерть, дорогая сестра.

– Да. Смерть. Воссоединение с Богом. Самый священный миг... Самый священный миг достижения Бога. Единственный истинный миг бытия... Смерть. Соединение с Богом.

Во дворе льет дождь. Если выглянуть из окна, то виден кусочек бетонного забора, темно-коричневые деревянные скамьи и капли дождя.

Я в первом классе. Смерть Сталина воспринимают как праздник. Мы играем прямо на карте мира. На Советский Союз ставим надгробие Сталина. Эйзенхауэр – ангел.

Когда он становится президентом:

– Америка – наш брат! Америка – наш брат! – Мы прыгаем, держась за руки.

По пятницам монахини не едят мясо. Из кухни во двор поднимается запах жареной рыбы.

В кварталах мелких буржуа все завидуют нам из-за нашей школьной формы, так как по ней видно: мы учимся в иностранной школе. С тяжелыми портфелями за спиной мы с Гюнком шагаем по бульвару Фатиха, где еще не срублены старые платаны.

– Вот на этой улице мы живем, – говорит он.

– А мы в двух остановках отсюда, – отвечаю ему я.

Гюнк приходит к нам впервые. После короткого разговора становится понятно, что мы дети из семей одного круга. Гюнк – первый друг, которого я без стеснения привожу в наш дом в тупике, перегороженном лачугами. Он не удивляется. Больше того: говорит, что наш дом шире и уютнее их.

У этого худого впечатлительного парня бледное лицо, прямые черные волосы, умный взгляд.

– Ты читала Золя? – спрашивает он.

Сразу читаю несколько романов Золя, полных боли. Затем мы с Гюнком погружаемся в мир романов и персонажей Достоевского. Рассказ пьяного отца Грушеньки о том, почему он пьет, заставляет меня рыдать. Эти романы так созвучны нашему миру.

По утрам в семь, заходя за Гюнком, наблюдаю, как светлеет небо. Уличные фонари гаснут. Минут на пять-десять мы задерживаемся в каменном коридоре. Его родители уже встали, собираются в школы, где оба преподают. Мать очень преданна школе, ученикам, успеху и особенно «родине». Каждое утро говорит нам о долге перед отечеством. Отец Гюнка – человек поспокойнее. Свободное время проводит с друзьями в кафе, за нардами. К миру относится с иронией. Постоянно курит.

Все домашние Гюнка и все наши (кроме Бунни) ходят в школу. Никто не работает на фабрике, в лавке, офисе или мастерской. Поэтому вся жизнь – школа. «Центр обучения».

(Годы спустя, когда я вижу в утренней тьме сырого стамбульского утра крошечных первоклашек в черной школьной форме, заучивающих патриотические стихи... я не могу удержаться от мысли: «Ничего не изменилось»).

Хочу разогнать облака, схватить солнце, бегать с детьми по холмам, жить с ними деревьями, ветром, солнцем, дождем, людьми.)

Трамваи еще ходят. Зеленый вагон на маршруте Бешикташ – Фатих набит битком.

Мы сидим в каменном холле у Гюнка. Здесь диван, перед ним деревянный стол, у окна комод с радио. Его старший брат иногда орет оперные арии у себя в комнате. Вечереет. Брат еще не встал. Через некоторое время выходит из комнаты в просторной полосатой пижаме. Делает вид, что не видит нас. Завтракает на кухне стоя. Молчит. Из комнаты валит густой сигарный дым. Потом брат переодевается. Берет газету, заложенную матерью в книгу, зимой – бежевое пальто и молча уходит.

– Он никогда не разговаривает? – спрашиваю я друга.

– Очень редко, – отвечает Гюнк.

Затем мы пускаемся в разговор о депрессии наших старших братьев. О давлении, которое их депрессия оказывает на семью, о том, какие они веселые и разговорчивые с друзьями. Комната у брата Гюнка маленькая. Забита книгами. Гюнк спит с родителями. Сестра – в гостиной. В доме у Гюн-

ка вообще нет платяных шкафов. Всё висит за дверями.

Той осенью, зимой, весной и летом мы еще дети. Но вместо детской радости внутри нас странное недовольство, тоска. Учителя-родители, тесные дома в мусульманских кварталах, церковная атмосфера католической школы, безумное поведение монахинь, несовместимое с нашими мыслями, другие учителя, обучение, отсутствие потока, направляющего наши мысли, вся жизнь, которую в будущем нужно постичь, – тоска. Жизнь теперь только то, что нужно постичь и понять; а жизнь с верой в реальность отложена на будущие годы, как чужеродный элемент. Как глобус на уроках географии. Никто не говорит, что теперешнее время года, дни и ночи – это и есть жизнь. Мы готовимся к какому-то учению, которое определяется каждый миг. Зачем?

(Теперь я в той отложенной, будущей жизни. Теперь никто ни к чему не может меня готовить. Утром смотрю на анатолийский берег Босфора, затененный восходящим солнцем, на бородатых рыбаков в резиновых сапогах и плащах, торгующих рыбой у самых ялы¹², на большие новые машины, улицы, людей, толпу, на пьяницу, что приходит под мост и орет, на его собутыльника, который его держит, чтобы тот не упал; на людей, которые садятся на метро в Тунеле, на нарядных, с цветами, бегущих в ЗАГС влюбленных, на афиши на стенах, на новые пивные в Бейоглу, на

¹² Ялы – прибрежные особняки на Босфоре с собственной пристанью.

очереди долмушей¹³ на бастующих рабочих, на роты солдат у площади Таксим, на молодых солдат с ружьями у банков. О чем мне еще просить?)

Растем в гневе. Злимся на квартал, улицу, комнаты, вещи, которые еле согревают нас зимой, на старые, провалившиеся ватные матрасы. Жизнь кипит только на улицах. Жизнь чувствуешь только на улице. Прекрасным, настоящим являются люди города, его толпа, весь внешний мир. Гул внешнего мира, который едва слышен внутри. Этот гул медленно изливается в другие страны, от океана на западе до океана на востоке.

Мы давно сняли короткие носки. Теперь носим нейлоновые чулки. По субботам в кинотеатре «Йени» в парке Сара-чхане-баши смотрим два американских фильма. Этого развлечения мы ждем целую неделю. Какой прекрасный мир у Грейс Келли. Розовые пышные платья, любовники на спорт-карах, которые бегают за ней наперегонки, ужины в замках Южной Франции...

Совсем не похоже на наши темные бульвары, замусоренные улицы. Это мир мечты. А близкий нам мир – из русской литературы. Мир, полный боли и нищеты.

С приходом теплой весны отправляюсь на длинные прогулки. Иногда Гюнк не приходит. С бульвара снимают трам-

¹³ Долмуш – маршрутка, небольшой коммерческий автобус, назван так потому, что по мере заполнения пассажирами водитель начинает кричать: «Заполнен!» («Долмуш!»).

важные рельсы, рубят деревья. Так расширяют дороги. Иду через пыль, грязь и ямы. Спускаюсь от парка Сарачхане с фонтаном, еще не снесенного, к Аксараю. Люблю многоэтажки на левой стороне бульвара.

(У меня страсть к широким бульварам. Жаль, что перед нашим домом нет дороги. Завидую тем, кто живет на бульварах. Правда, именно сейчас никому не завидую и ни на какой бульвар, ни в какой дом не хочу. Могу жить где угодно. В том нашем доме, загороженном лачугами, не смогла бы провести ни ночи. Думали ли вы о таком? Можно ли увидеть умершего человека снова? Можно ли вернуться в старую школу? Можно ли уснуть в умершем доме? Те годы умерли. Те годы заставили нас прожить их так, чтобы мы оказались убиты.)

В Еникапы еще несколько чайных. Берег усыпан галькой. Проходя под железнодорожными путями, вижу склады дров, выстроившиеся вдоль берега. Сажусь на камни у края воды. Долго смотрю на разлившееся передо мной серо-голубое Мраморное море. Прислушиваюсь к трепету у себя на сердце. Мне хочется раскрыться чему-то, бежать куда-то, объять мир. Чувствую, что мир – не то, что нам навязывают, чему учат. Но в те годы нет ничего, что развеяло бы эти тревоги. Начинается сопротивление власти. Идут разговоры о грабежах, антидемократических действиях... Но повсеместно лишь одно: экзистенциализм. Экзистенциализм, созвучный серо-голубой пустоте Мраморного моря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.